



Иван Ваненко

Тысяча и одна минута. Том 3

«Public Domain»

1843

Ваненко И.

Тысяча и одна минута. Том 3 / И. Ваненко — «Public Domain», 1843

«Врывайтесь столбы дубовые, стройся изба кленовая! входите, братцы-товарищи, садитесь по залавочью, вокруг стола, слушать сказку новую!.. А буду я рассказывать сказку дивную, волшебную, сказку нашего края Украинского. Каких у нас там чудес не водится! Спросите хоть у нашего побратима, пасшника, Паньки Рудаво, он вам поразскажет, как чорт прятал месяц в карман, а пьяный подьячий и видел всю эту проказию, да люди подумали, что ему сдуру мерещилось! В самом деле, чего у нас нету там! И ведьмы Киевские, и русалки Днепровские, и кикиморы домовые и заморские. А наши казаки живут себе, да над ними потешаются!..»

Содержание

V. Сказка про батрака Грицка Гарбузка и про его похождения, всему свету на удивление	5
Похождение первое	6
Похождение второе	7
Похождение третье	8
Похождение четвертое	11
Похождение пятое	12
Похождение шестое	13
Похождение седьмое	14
Похождение восьмое	15
Похождение девятое	17
Похождение десятое	18
Похождение одиннадцатое	19
Похождение двенадцатое	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Иван Ваненко

Тысяча и одна минута. Том 3

*Сказка из походов слагается.
Казак Луганский*

V. Сказка про батрака Грицка Гарбузка и про его похождения, всему свету на удивление

Врывайтесь столбы дубовые, стройся изба кленовая! входите, братцы-товарищи, садитесь по залавочью, вокруг стола, слушать сказку новую!.. А буду я рассказывать сказку дивную, волшебную, сказку нашего края Украинского. Каких у нас там чудес не водится! Спросите хоть у нашего *побратима, пасирика, Паньки Рудава*, он вам поразскажет, как чорт прятал месяц в карман, а пьяный подьячий и видел всю эту *проказию*, да люди подумали, что ему сдуру мерещилось!

В самом деле, чего у нас нету там! И ведьмы Киевские, и русалки Днепровские, и кикиморы домовые и заморские. А наши казаки живут себе, да над ними потешаются!

Был у нас там, примером сказать, один старый казак, Данило. С виду что твой муромский медведь, бородачи такая!.. Как гаркнет «на коня!» так сосны дрожат. А какой был добрый, ласковый! Приди, бывало, к нему в хутор, рад напоить запеканкою, закусить бублика и не спрашивай, все чистым свиным салом подбивает. Не любил он смерть недругов Русской земли. Как, бывало, скажут на войну идти, хоть был он лет этак под семьдесят, голова, что снег, белехонька, а откуда возьмется ловкость и сила молодецкая! вскочит на коня прежде всех, да как приедет в поле чистое да пойдет брить головы Турецкия, так по шее с корнем и срезывает; а в мирное время смешит да морочит Божий народ; выйдет к шинку, раскроет грудь широкую, станет насупротив какого хочешь орудия и не только из ружья, а хоть из пушки бомбой стреляй, и то синего пятна не сделаешь! Был он Христианин православный, Государю служил, Богу веровал, без креста спать не ляжет, куска не съест. Ненавидел он еще, страх как, племя вражьего, сиречь, силу нечистую; за то, бывало, русалки и ведьмы и вся челядь ихняя от его хутора за версту бегивали. Поймает, бывало, чорта, да и запряжет в оглобли, рылом к саням; бьется, маится сердяга, ни назад податься ни вперед бежать; смотришь бывало: никого не видно, а сани елозиют взад и вперед; православные так и покатываются со смеху. За то уж как чорт-то вырвется, так закажет правнукам и праправнукам в казацкую хутку заглядывать. Вот каковы наши молодцы удалые! Так что тут дивовать на племя французское, что если бывало закричат: *казакг!* то целый полк и бежит назад.

Про такого-то казака хочу я рассказывать вам, братцы-товарищи, и вам, мои читатели и миленькие читательницы; буде вы в мою книжку заглянете, так прошу вас не прогневаться, если иное слово не так скажется: ведь речи пересказанные, что снопы перевязанные, цеп схвати да и молоти, а нечего их рыть-перкапывать — из старых тряпьев не нашьешь обнов.

Похождение первое

Был Грицко Гарбузок славный, ловкий парубок. Оставил ему батько много казны и добра полного, да как нажил Грицко по его смерти свою волю, то и зачал поживать по казачьему: что у него было, в шесть месяцев все как водой снесло. Пришло Грицку, хоть не хочется, в службу идти. В те поры была в нашем краю шляхта поганая; пошел Грицко к зажиточному шляхтичу наниматься в батраки. Видит шляхтич, что Грицко парень взрослый, здоровый; смекает: отслужит-де он мне один за троих; нанимает Грицка нашего; берет Грицко не много не мало, на каждый месяц, на наши деньги по пяти алтын; только делает уговор с шляхтичем, чтоб ему Грицке жить, хорошо служить, куда пошлют, идти не отказываться; а ему шляхте не пятиться; не ссылатъ Грицка безо всякой вины; а если, или он Грицко не захочет жить, или он шляхта не захочет его держать, то первому не платить зажитого жалованья, а другому дать своему хозяину хорошую тукманку за неустой, да и раскланяться. Уговор в те поры лучше денег был. Согласился шляхтич оставить Грицка; думает себе: послужит он мне, поработает да и уйдет безо всего, а если надоест мне слишком, сгоню его; что за беда получить тукманку, с этого рог не вырастет, а шишка вскочит, так и опять пройдет.

Вот стал Грицко жить у шляхтича; делает все, ворочает один за десятерых, и туда поди Грицко и сюда вернись; да, кой чорт, думает он, я ведь тебе, шляхта поганая, не лыко достался помыкать так мною! Начал Грицко наш над шляхтичем подтрунивать; что прикажут ему, а он будто не дослышит, не доразумеет, да и сделает по своему, так, что уж стал надоедать своему шляхтичу. Одиножды сидит шляхтич под окном и видит, на огороде его любимый бык вбежал, разыгрался там, распрыгался, портив все да коверкает, топчет ногами, разрывает рогами, да так ревет, что страшно и подступиться. «Гей, Грицко!» закричал шляхтич, «добегай, там в огороде бык зашел, уйми его.» – От за раз! – отвечал Грицко; вошел в огород; увидал его бык, затряс головою, поднял хвоста., уставил рога и пустился прямо на Грицка бодать; только он добежал до него, как тот стукнул его кулаком между рог, взревела, бык упал на землю, да уж с той поры и не вставала, никогда. Така, у шляхтича сердце и оборвалось. «Ах пане мий Боже! вот казацкий кулак каков! да этак он один щелчок даст, так целый век сиднем просидишь!» Испугался наш шляхта; жалко ему быка, да страшно и кулака; думает, как бы от Грицка отделаться; пересказала, все панне своей; та говорит: посмотрим, постараемся его какнибудь с рук спихнуть. Еще один раз сидит шляхта с своею панною да разговаривает; распелся их петух под окном, голосит, не дает слова выговорить. «Грицко!» закричала панна. «Поди махни на петуха, что бы он петь перестал!» Пошел Грицко, да и отмахнул петуху голову ножом; как стали его бранить и спрашивать, на что он это сделал, он отвечал одно: «не разумию, що панна кажете: по нашему махнути, так по горлу махнуть!» Вот так-то потешался Грицко над своими панами. Что с ним делать, думает шляхтич, ломает голову, так и сяк мерекает, как бы сбыть батрака, не получив кулака на свою долю.

Похождение второе

Услыхал пан, раз, что завелись гайдамаки в лесу, не далеко от него, и нет от них ни проезда конному, ни прохода пешему; губят всех на повал, да и все тут. Говорит шляхтич Грицке нашему: «сослужи, Грицко, службу, выживи гайдамаков из лесу; прибавлю тебе двойное жалованье.» – Гаразд, – молвил тот; – почему не сделать этого. – Пошел Грицко в лес; идет себе, с ноги на ногу переваливается, потягивает люльку, сиречь трубку свою, да постукивает дубинкою по деревьям; в лесу раздается, словно во Сто топоров рубят. Напались на него два гайдамака; ну приставать. «Чего ты, ледащий, расшумелся? хибя не хочешь до пана черта идти?»

– Ни, – отвечал Грицко, – а до вашего пана атамана.

«Ну, чего треба? я атаман,» обозвался один гайдамак.

– А то мини треба, чтоб вы з сего лиса за раз геть!

«Эге! погадаем ще! видкить такой?»

– А от який, – сказал Грицко; – давайте лишен, хош вы, господа атаман, хош вы господа гайдамак, потягнемся: як вы мене забьете, тогды я вже не буду бильшь до вас гадовати, а як я кого смогу, то вам в сего лису треба втикать!

«От-не славный,» отвечал атаман; «от мое слово атаманское, що як ты зо мною сладишь, то мы ни тилко с сего лиса, а гаразд дальше видим!»

Вышел атаман против Грицка, да хотел схватить его поперег, да ударить о землю, как он это со многими дельвал, ан нет: видно Вавил не на того наскочил. Наш Грицко, что врытый пень, не пошатнуть, ни к верху поднять; а как ухватил он атамана поперег, да повернул его кругом раз пять, да отбросил от себя на несколько саженой, так у того в глазах и замитусилось. Полежал тот на траве, отдохнул, вскочил и кинулся обнимать Грицка. Такая уж кровь украинская о любят подраться, лишь бы после мировая была. Зарекся, закаялся атаман, и дал верное слово, дня не быть в этом лесу с своими гайдамаками.

Пришел Грицко весел к своему шляхтичу и донес ему, что гайдамаков в этой стороне более не будет. Не поверил шляхта, стал засылать, раскрашивать, и точно: прошло два месяца, никто ни одного гайдамака в глаза не видал, хоть прежде они, бывало, что грибы в лесу, так и лезли в глаза всякому.

«Нет,» думает шляхтич, «видно его не возмешь силою. Как тут быть?» Узнал он от своих крестьян, будто на его земле, в пруде, за болотом черти водятся; страх как обрадовался. «Пошлю, думает, Грицка туда; коли люди с ним не совладали, то черти авось справятся.» Призывает Грицка. «Хорошу, говорит, ты мне службу сослужил, одолжил меня несказанно; вот тебе за то награждение, даю вперед за месяц, который придет, а за те, которые отжил, после сочтемся! Сделай ты мне еще небольшое дельце: есть, знаешь, у меня болото, а за тем болотом пруд большой; завелась там сила нечистая; ни подушных, ни поземельных не платит, а с места долой не сходит; я бы эту землю честным людям в наем отдал, а теперь ее у меня даром отняли; помоги мне в этом, как можешь; я тебя награжу больше теперяшнего.»

– Надуваєшь ты меня, шляхта поганая, – думает Грицко;– чертей не то, что раков ловить! а делать нечего, соглашается, берет батог да люльку свою и идет куда велено.

Похождение третье

Приходит Грицко к пруду, сел на берег, снял с себя веревку, которою был подпоясан и давай концы ее вместе сплетать, а сам потягивает из люльки тютюн, да мурлыкает с горя песенку свою любимую удалую:

Ходыв Гарбуз по городу,
Пытаючи своего роду:
Ой чи жины, чи здоровы?
Вси родычи Гарбузовы?

Ходыв Грицко по вулице,
Пытається дивуетца:
Ой чи вышли чи у хаты,
Вси хорошие дивчаты.

Ой чу к парубик,
Излиз на дубик,
Нарвав ягодок,
Назвав дивчаток:

– Ой, чуки, чуки, чуки,
Вы дивчата билоруки, –
Черны брови, кары очи,
Що як зырочки у ночи!

Ой чи хочете хадыти.
Грицка Гарбузка любыти,
Бо вин парубик хороший,
Бо вин маеи нсоби гроши!

«Чом, чом, боса ходишь,
На чеботы не заробишь?»
– Стану Грицынька любляти,
На чеботы заробляти!

«Что ты тут распелся!» закричал черт, выскочивший из пруда.

– А какое тоби дело? отвечал Грицко.

«А такое дело, что это мой пруд; пошел прочь отсюда, а не то я тебя утоплю!»

– А от тоби втоплю, сказал Грицко; сотворил молитву, да как вытянул его батогом, черта как не бывало. Нырнул он в пруд к своему водяному дедушке и рассказывает: «пришел, дескать, какой-то повеса к нашему пруду, кричит во всю голову, я было его испугать-унять, высунулся из пруда, закричал на него, куда тебе, он и глазом не моргнул.»

– А зачем он пришел? спрашивает водяной дедушка.

«Кто его знает!»

– Поди, узнай от него поучтивее; может быть, он хочет сказать нам чтонибудь дельное!

«Нет, воля твоя, дедушка, отвечал черт,» он мне батогом сбоим такой раз отмерил, что еще и теперь по спине мурашки бегают.»

– Велик ты вырос, молвил черту водяной дед, а дурак дураком. Разве с людьми нашему брату надо грубо обходиться? Этак век ничего не сделаешь! позови ко мне моего внука любезного!

Кинулся черт ко дну пруда, схватил, лежавший там соляной куль, в котором, десять лет тому назад, гайдамаки жиды утопили, тряхнул его; оттуда выскочил чертенок, ростом в полтора аршина и два вершка; он было там пришел отдохнуть. «Чего тебе Хочется, что ты меня тревожишь?» закричал он.

– Пошел скорее к дедушке; он тебя спрашивает! Мигом тот процарапал себе глаза лапами, утер нос хвостом, обсмыгнул об кулек тину с рог и нырнул в самый омут.

«Что прикажете, водяной дедушка?» спросил он дискантом.

– Поди, милый внук мой, на берегу нашего пруда сидит человек; спроси, узнай чего ему от нас хочется? Сам бы пошел, глухота да слепота меня одолела, давно уже не могу толком разобрать, что люди говорят или делают, но ты смышлен не меньше моего, уму-разуму тебя неучить стать; поди поскорей. Тряхнул бесенок рогами, кивнул хвостом и в минуту очутился на берегу.

Грицко, занятый работою, и не видал, как он из пруда выскочил. Сделал чертенок вперед три шага, отставил правую лапу, хлопнул хвостом по земле и отвесил Грицку низкой поклон; увидев это Грицко помор со смеху; смотри, думает, какой вежливый, хоть бы нашему пану шляхте такому быть!

– Що треба? спрашивает он у чертенка.

«Я пришел от моего дедушки узнать, зачем вы изволили к нам пожаловать?»

– А за тем, говорит Грицко, чтобы вы или отсюда убрались, или бы платили моему пану поземельные.

«Пана твоего мы не знаем, и поземельные ему платить не станем.» отлезал чертенок. «Тому тысяча лет, как наш Водяной родной дедушка этим прудом завладел, так стало быть твоему пану до него дела нет.

– Дело не до него, а до пруда его, прибавил Грицко; а коли вы мне денег не заплатите, так я вас всех отсюда повытаскаю.

«А чем повытаскаешь? Наш пруд бездонный.»

– Да этою веревкою; посмотри-ка, и она бесконечная.

Взял чертенок веревку, вертит ее со всех сторон. «Поди ты, какое дело: в самом деле, ни конца ни начала нет.»

«Хорошо,» говорит он Грицку, «пойду доложу дедушке.»

Юркнул чертенок опять на дно, явился перед дедом своим, что хорошего? тот спрашивает.

«Да что, дедушка, человек этот куда мудрен: принес он веревку бесконечную и хочет нас ею, из бездонного омота, всех повытаскать, если мы не заплатим его пану пошлины за все время, которое здесь прожили.»

– Гм! молвил дед, дело-то не так хорошо! Сказать мимоходом, водяной дедушка страх как любил копить денежку, хоть было у него вдоволь всего: и жаб, и змей, и пиявок, и всякой водяной гадины девать некуда; жаб он продавал иностранцам на соусы, змей в кабинеты естественно-физически-натуральные и нашим штукарям, которые их сюда возят за деньги показывать; пиявок фершелям да аптекарям. Сбыт был велик, стало у деда лежало денег с три-пропасти, а все и не много отдать было очень жаль. Что делать, видно и у чертей много людских слабостей!

– Поди, говорит он чертенку, какнибудь там с ним раздайся, вот тебе моя палка железная в тридцать пуд, кто ее из вас выше вскинет, тот от другого и будет вправе требовать чего ему хочется, только смотри же не затеряй!

Схватил чертенок палку, очутился перед Грицком, объясняет чего требует водяной дедушка.

Похождение четвертое

– Хорошо, говорит Грицко, пожалуй спытаем; кидай вперед!

Кинул чертенок палку тридцати пудовую, легче, чем бы мы шапку бобровую, точно галка кверху взлетела.

«Кидай же ты теперь, дядюшка», сказал он Грицке оскотяся.

– Зараз, зараз, отвечал тот; взял ее в руки; фу ты шельмовская! Был силен Грицко, а насили на калено приподнял; вертит ее, да кверху посматривает.

«Что же ты, дядюшка, не кидаешь?»

– А вот погоди, дай этому облачку подойти, за него и заброшу как раз.

Струсил чертенок. «Ай! что ты это выдумал? Да я после с дедушкой и не разделаюся!» Схватил палку в руки, да и в пруд скорей. «Ну, совсем беда, дедушка: он чуть чуть твою палку не зашвырнул за облако; хорошо, что я спохватиться успел. Что теперь делать?»

– Поди, вот еще одно условие: кто из вас перебежит кого!

Явился чертенок к Грицку. «Давай, дядюшка, станем рядом, пустимся; кто из нас кого обгонит, тот пусть с другим что хочет и делает!»

Похождение пятое

– Ах, ты водяной гад, сказал Грицко, да мой братишка маленькой, без году семи недель, который еще в люльке и теперь качается, да еще бедненькой от природы кос, и тот тебя загоняет так, что умаешься, а никак не сравняешься.

«Покажи мне его, дядюшка,» молвил чертенок.

Подвел его Грицко к заячьей норе, да как гаркнул: беги! Вскочил заяц, заложил уши, пустился с перепугу по пням, по кустам, чертенок за ним. «Дядюшка, дядюшка! погоди, дай рядом стать!» Куда тебе! нашего зайца и след простыл.

Бурк чертенок в воду. «Плохо дело, дедушка; бегался я по твоему приказанию, и, кажись, я куда востер, а не только его, а самого меньшего из его братьев, которому только еще без году семь недель, и того никак не мог перебежать.»

– Ну, говорит дед, поди, попытай еще: кто из вас поборит кого.

Пришел чертенок, «давай,» говорит, дядюшка, поборимся; уж если и в этом ты осилишь, тогда воля твоя над нами бедными.

Похождение шестое

– Ах ты постреленок этакой! отвечал Грицко; смешно мне смотреть на тебя. Где тебе со мною справиться! Да высылай всех ваших больших и малых чертей, хоть порознь, хоть поодиначке, хоть каждого особенно, похватаю я их всех за хвост, да стукну о землю, так тут и растянутся; а тебе, этакому карапузику, не справиться с моим дедушкой, которому еще с год назад было сто семьдесят лет, ни одного зуба во рту нет, да и борода-то от старости обвалилась, так и тот тебя поперег перегнет.

«А ну, дядюшка, поведи меня к нему. Как, думает чертенок, с старым не справиться! Знал Грицко берлогу медвежью, повел он туда чертенка. «Войди, говорит, да покличь его!»

Только тот подошел, начал кричать, выходит медведь, встал на задние лапы, ухватил чертенка и ну ломать.

«Погоди, погоди, дедушка, дай ухватиться получше!» Медведь не слушает, коверкает, да и только, пригнул рогами к хвосту почти. Завизжал бесенок: «дедушка пусти, голубчик пусти, не буду более с тобою барахтаться.» Медведь и знать ничего не хочет. Грицко стоит вдали, покатывается со смеху. Вырвался чертенок, да в пруд катком.

«Ну, дедушка, воля твоя, не буду более с ним тягаться; так меня отделал его старый дед! Я думал, что он мне все кости повыломает; хорошо, что я еще с ним самим не схватился!»

– Испытай, друг, последнее, говорит водяной дедушка; поди, попробуй: кто из вас громче свиснет: когда ты сидел в соловье разбойнике, то сшибал свистом прохожих с ног, где, кажется, ему в этом против тебя устоять.

«Ох! водяной дедушка, едвали и в этом одолеть мне его! Ну, да пойду, попробую, от этого хуже ничего не будет.

Похождение седьмое

Пришел к Грицку чертенок, бьет челом, говорит: «ну, дядюшка, теперь в последний раз!..»

– Да долголи будут эти разы последние! закричал Грицко с досадою. Что я, олух что ли вам достался какой?

«Вот тебе, дядюшка, вся сила нечистая порукою, в последний раз,» отвечал чертенок, испугавшись;» больше не станем тревожить тебя.»

– Ну чтожь вы хотите?

«Давай, дядюшка, попробуем, кто из нас шибче свистнет.»

– Эка что еще выдумал! Пожалуй, давай; ну, свисти вперед.

Надулся чертенок, натужился, как свиснул, так листья с дерев и посыпались.

– Шибко свистишь, сказал Грицко, теперь моя очередь; только смотри стерпишь ли; сядь лучше вот здесь, да зажмурься, а не то ты моего свиста не вынесешь.

Усадил он чертенка на бугорке возле пруда, велел ему зажмуриться, а сам зашел сзади пруда да как звизнул его батогом по уху, так тот и скатился в воду кубарем.

«Отдавай скорей деньги, дедушка, не то беда будет нам. Ах мои батюшки, да какой он прездоровенный!.. Свиснул я, листья с дерсьев посыпались, а ен еще пожалел меня, велел зажмуриться, да как свисну я сам, света не взвидел я, вот ровно кто меня изо всей мочи стукнул по уху; не помню, как и скатился сюда.

– Надо бы еще чем нибудь его попытать, сказал дедушка.

«Нет ни за что! Посылай другого; он и за этот раз взбеленился так, что куда тебе.

– Ну видно делать нечего; поди спроси, многоли он хочет за пруд выкупу?

Похождение восьмое

Явился к Грицку чертенок, стал перед ним смирней прежнего.». Иного ли вам, дядюшка, угодно с нас?» спрашивает он.

– Да мне многого не надобно; вот, коли насыпите мою шляпу деньгами до верха, то и будет с меня.

«Очень хорошо-с; теперь прикажете?»

– Нет, теперь мне не треба, а приди ко мне на гумно, сегодня ночью, в двенадцать часов. Только, чур смотри, не обманывать!

Пошел Грицко домой; чертенок поклонился ему и обещался сделать все, как он приказывает, а сам думает себе: дурак ты не отесаной! Эх, из чего вился? шляпу денег добыть! Да мне бы, на твоём месте, целый воз подавай.

Приходишь на гумно, выкопал Грицко большую яму, свел ее кверху узким отверстием, вышиб дно у своей шляпы, вставил ее туда и стал дожидаться чертенка.

Наступает полночь; видна по дороге пыль страшная; мелькают вдали хвост да рога; бежит чертенок к Грицке с деньгами. Приволок мешок, бух в шляпу, словно ничего небыло! «Что за диво?» думает чертенок; кажись, шляпенка не великонька, всыпал целый мешок в нее, а и на дне не видать!

– Что это? закричал Грицко, только-то?

«Я думал, что будет, дядюшка, а к» ль мало, не достало, еще принесу.»

Сбежал чертенок и другой раз, приволок мешок больше прежнего. Тряхнул его в шляпу, опять все провалилось. Диву дался чертенок. «Что это за хитрец,» думает он. «Шляпа у него чуть не с дедушкин сундук!»

Зачал Грицко бранить чертенка, что он мало носит; побежал тот за третьим мешком, высыпал, опять ничего нет; принес и четвертый мешок, все ничего не видать. «Довольно, дядюшка, отпусти, не дает больше Водяной дедушка; он поди-ко как осерчал на меня, хочет, если еще приду за деньгами, прикатать меня своею палкою.»

– Вот я-те дам, разбойнику, довольно! зашумел Грицко, хотел насыпать полную, так насыпь мне, не то я вас и с дедушкой вот этим батоном отпочиваю!

Делать нечего; прибежал чертенок к своему дедушке, зачал просить, кланяться, чтоб еще из сундука его один мешок денег нагрести.

Злитесь Водяной дед, ворчит-ругается, хочет своему любезному внуку палкой все бока отмять, а что делать, страшно и ему батога Грыцкина. «Ноди, «говорит, «разбойник, только смотри, последний мешок; больше не дам ни денежки, пусть он тебя батоном хоть измолотит всего.»

Выпросив позволение, чертенок поднялся на хитрости: не пошел искать большего мешка, а отрезал карман у пьяного подьячего, да как начал в него накладывать, чуть все деньги Водяного дедушки из сундука не повытыскал. Да как притащил его к Грицку, тряхнул в шляпу, так зараз и насыпал до верха. Л пьяный подьячий встал, да и не догадался порядком оглядеться, и с тех пор думает-не придумает, что с ним сталося. Кажись и много берет, и все в один карман кладет, а ничего не впрок, провалится-как-провалится!..

Грицко наш закопал яму, взял только из неё пригоршни грошей, да и отнес к своему Шляхтичу. Вот, говорит, черти прислали поземельные; только и могли наорать, а больше не спрашивай!

«Экой ты живущий, думает ИИИляхтич, я думал, только мы его и видели, а он, поди-ко ты, еще с чертей гроши содрал!» Перестал Шляхтич больше Грицка на досаду наводить; случится работа какая, другого пошлет, а Грицко хочет идет, а хочет лежит-себе, да нежится.

А, думает Грицко, покался шляхта поганая; я тебя научу знать, безмозглый поляк, что у всякого хохла золотой чуб, а уму-разуму и цены нет!

Похождение девятое

Прошел слух, что где-то за морем, в чужой земле, у одного пана владетельного есть дочь красавица; много сваталось за нее царей и царевичей, да то беда: повадилась к этой Панне красавице ходить по ночам сила нечистая, так ни одному жениху житья нет: перепятнает так, что смотреть страшно: кому ухо отхватит, кому нос оторвет: иной, бедняжка, встанет без руки, без ноги, и уж разве какой явится счастливой-догадливой, что спохватится, да за добра-ума тягу задаст. И объявил Пан тот всему народу и своему и чужеземному: кто, дескать, отвадит от дочери силу нечистую, за того и отдам ее. А дочь его Панна прекрасная, была что лебедь бела, щечки или ротик пунцовый, что твой алый мак махровый, а осаниста, величава, как заморская птица пава; глазком ли поведет, так душа и замрет, пройдет ли по двору широкому, так сердце и заходит ходенем!

Вот узнал это Грицко наш; «пойду-ко я,» говорит, «поженихаюсь, попытать-не устать, а за спрос не откусят нос; потерять нечего, а может на нашу долю и достанется; а бы люди не помешали, а с чертями как не справиться.»

Попросился он у своего Пана. Шляхтич радехонек, только бы он ушел, еще денег на дорогу дал. Пошел наш Грицко попытать счастья казацкого; взял с собою батог да свою люльку всегдашнюю спутницу, положил три цыбули в карман и отправился путем дорогою.

Проходит он всю почти землю Украинскую; попадаетеся ему ведьма Киевская. «Куда бредешь, добрый молодец?» Туда, отвечал Грицко, где тебя, старая корга, не спрашивают. Разбесилась-разобиделась злая ведьма на грубый ответ, ударилась оземь, сделалась свиньей, ну метаться на Грицка; теребит его за кожух, и на-поди. Погодижь ты, проклятая, говорит он, я тебе дам добрым людям надоедать! Изловчился, ухватил свинью за хвост, и ну ее батогом потчивать; лежит, проклятая, не шелохнется, словно стучат не по не, а по дереву; смекнул Грицко, положил ее против солнышка да и зачал не по ней, а по тени бить. Завизжала ведьма, взмолилась.

«Отпусти, родной, не буду более мешать тебе; или своею дорогою!

– Брешь, канальская, отвечал Грицко, должна ты мне рассказать за это, как мне чорта от Панны будет прочь отогнать?

«Ах, добрый молодец!» ведьма завопила; «ведь чорт-то мне тот племянник родной!»

– Ну тем лучше, старая ведьма; говоря, чего он не любит?

«Накорми-напой его сладким,» молвила ведьма; он тебе и так Панну отдаст.»

– Брешь ты, корга?

«Точно, батюшка, правда истинная; отпусти только, еще скажу.»

Выпустил Грицко хвост из рук, перекинулась свинья сорокою, взлетела на дерево, и ну Грицка ругать и позорить оттудова. Ладно, говорит Грицко, попадешься, старая корга, в другой раз, я тебя не так отделаю.

Похождение десятое

Обходит Грицко наш море широкое, приходит в темный-дремучий лес и выходит на поляну ровную-зеленую; завидел вдали палаты владетельного Пана Медовича, осмотрелся, оправился, взбил свои чуб, подвинул шапку на ухо и вошел гоголем на широкой двор; увидала его в окно молодая Панна, дочь Медовича; пришла ей по нраву поступь его казацкая-молодецкая; высылает она своего пажа любимого, спросить-узнать: чего нужно доброму молодцу? Пришел я», отвечает Грицко: «до Пана Медовича, помочь его горю великому, выжить из палат его силу нечистую, освободить Панну прекрасную от наговоров и нареканий злых людей! Доложили пану Медовичу; выходит он из палат своих, встречает Грицка на красном крыльце, просит его хлеба-соли откусать; сажает его в передний угол, заставляет свою дочь Панну прекрасную его подчивать, сам говорит ему речи сладкия, раскрашивает его: какой земли житель он, чьего рода и племени; как по имени и отчеству. Грицко отвечает Медовичу: «в нашей земле, дескать, обычай такой: не поевши, ничего не рассказывать.» Были в это время три гостя у пана Медовича, женихи Панны прекрасной, все царевичи; один назывался Гай, королевич Аглицкой, другой Але, царевич французской, а третий Башлык, сын Турецкого паши Сточубушного. Стал их всех за столом пан Медовачь подчивать; Гай королевич размял себе с Чухонским маслом кортофеленку, царевич Але полкотлетки съел, а Башлык, сын паши Сточубушного, проглотил три ложки пшена сарачинского с сахаром, и говорят, что сыты все так, что ничего больше в душу нейдет. Наш Грицко намял себе хлеба, вынул три цыбульки, накрошил их туда же, облил все квасом, скушал на здоровье, да спрашивает у Медовича, нет ли у них борщу Украинского; но как этого кушанья на той стороне не важивалось, то подали ему гуся жареного, чтоб он отрезал себе крылышко; видит Грицко, все едят по маковому зернушку, отрезал крылышко, да и отложил его для всей компании, а остальное потрудился сам съесть. Француз, Англичанин да сын паши Сточубушного дивятся-не надивуются на Грицка. Вот, думают ему гусь брюхо проест, да вон вылезет. Ничего не бывало; Грицко все кушает, что еще на стол подадут. Зачал пан Медовичь гостям вина подносить. Башлык отродясь не пьет, боится; Магомет и в рай не пустит; королевич Гай говорит: мне лучше пива давай, а царевич Але запросил такого вина, что нельзя и выговорить, того гляди язык свихнешь. Грицко говорит в свою очередь: не люблю я смерть вина заморского, а нет ли у вас простого-запорожского? У пана Медовича был припасен боченок и в двадцать лет только однажды потребовался. Велел он его откупорить, стал Грицку в рюмку наливать. Не по сердцу это казацкому: ему подай то, в чем принесли; принесли, поставили Грицку ендову на стол. Взял он ее за ушки, да и вытянул до суха. Небось, прямой казак, на свое брюхо хулы не положит.

Встали из за стола дубового, стали Грицка раскрашивать: кто он такой и откуда путь держит? Отвечает он пану Медовичу: «родом я Запорожец-казак, из земли Украинской, именем Грицко Гарбузок. «Слышал я об вашей земле, сказал пан Медовичь: и буде ты мне сослужишь службу, за которой пришел, то я не только сам уверюся, но и прикажу объявить и рассказывать, что в вашей стороне такой народ, что нигде лучше и не имеется! Поблагодарил Грицко пана за отзыв ласковой; а что касается до главного, сказал: «погадаем, може справимся.» Такая уж натура казацкая: никогда не похвалится вперед, хоть и наверное знает, что сделает. «Эге!» думают королевич Гай, царевич Але, да Башлык сын паши Сточубушного; «с виду-то ты молодец, а видно не знаешь, как с делом управиться.»

Похождение одиннадцатое

Скрылось за горы красное солнышко, налегает серый вечер на сыру землю, а там катит и ночь черная; казацкому солнцу – ясному месяцу, видно не угодно было в тот раз на небо выкатываться, а густые тучи кудрявые так застлали ясные звездочки, что страшно и на двор показаться. Вот кланяется пан Медовичь гостям-женихам своей милой дочери, и ведет к ним такую речь: «соколы мои ясные, молодцы прекрасные! наступает для вас тот урочный час, в которой требуется показать вам свою силу и сметливость молодецкую! Кому будет в угодю из вас идти в эту ночь, стеречь мою дочь Панну прекрасную, вашу невесту нареченную?» Посмотрели молодцы друг другу в очи ясные, взглянули на погоду ненастную, на ночь и тучи черные, пробежала дрожь по их телу белому. Башлык, сын паши Сточубушного, говорит, что у него живот болит, должно быть скушал что-нибудь лишнее; королевич Гай отвечает, что у него голова кружится, видно слишком много перепил; а царевич Але жалуется, что сидел правым плечем подле самого окна, так ему ветром надуло болезнь какую-то мудреную, кажется, он назвал ее *ревертизом*. А как Грицко наш скушал себе сколько надобно, выпил сколько душа приняла, и хоть бока-то ему немножко и пораздуло, а в плечо не надуло, то и пришло ему в эту ночь Панну стеречь.

Просит Грицко Медовича, что бы он приказал отпустить ему, чего он на ночь потребует, и идет стеречь Панну прекрасную.

Отворяют ему комнату перед спальней дочери пана Медовича, ставят крытую скамью широкую, перед нею стол большой, а на нем ендову вина зеленого и спрашивают: что он еще прикажет принести? «Принесите мне,» говорит Грицко; «миску дегтю, да миску патоки, да по такой же миске грецких орехов, да чугунных пуль.» Приносят ему, что он требует. Садится Грицко на скамью приставив ее к дверям спальни Панниной, придвигает к себе стол, ставит на него четыре миски с принесенным снадобьем, закуривает свою люльку с тютюном и думает так сам про себя: «А что, кабы можно было посмотреть теперь на спящую Панночку, как она теперь закрыла очи ясные, зажала губки малиновые, разметала руки белые по пуху лебяжьему! как во сне грудь её полная подымается, разыгрывается румянец на нежных щеках и дрожать на них две чудные ямочки, и как она сонная вздыхает и улыбается... Закипела в Грицке кровь казацкая-молодецкая; хоть и видно, что он с места не ворочится, а мыслями весь подле Панны прекрасной. Так-то думая и раздумывая, не чувствует Грицко, как часы бегут.

Но вот... ударило полночь, отозвалось в лесу с перекликами; ухнул филин, сова мяукнула, зашныряла по двору мышь летучая, закатилась за тучу звезда последняя... Не ветер гудет, не мятелица, а слышан топот по чисту полю; спадают сами запоры железные, растворяются двери дубовые, стучит и гремит по лестнице; размахнулись тихо двери к Грицке в комнату, высунул черт голову, услышал запах табаку казацкого, как зачал чихать, чуть себе носа об дверной замок в кровь не растыкал.

«Что тебе нужно?» спросил Грицко.

Оправился черт, как только мог, подошел к Грицке, посмотрел на него; он такого с роду не видывал: случалось ему видать много удалцов, так почти всякой из них, как только он еще застучит по лестнице, не знает, куда кинуться, а как вступит за порог, так тот и лежит, как мертвый, как хочешь, так с ним и делайся; этот же совсем не на такую статью; сидит себе, потягивает люлечку, грызет орешки, или нет-нет, да попробует из миски патоки. – А что, добрый человек, спросил Грицка черт вежливо, нельзя ли какнибудь попридвинуться, пропустить меня в ту горницу?

«А зачем тебе туда?» сказал тот, не трогаясь с места.

– Да так, есть дельце маленькое!

«И, куда тебе спешить, почтеннейший,» отвечал Грицко, усмехался; «не угодно ли лучше сесть да поесть; садись-ко на чем стоишь, а хвостик-то свесь; вот мы с тобой и потолкуем и познакомимся.»

Видит рогатой бес, что Грицко его не хочет пустить, задумал взять ласкою. – Покорно благодарю, говорит, добрый человек за приглашение; почему не сделать честным людям компании!

Уселся черт на полу, зачал его Грицко подчинять. «Вот не угодно ли, говорит, медку полакомиться?» Даст ему хлебнуть деготьку, а сам лизнет патоки. Или орешков погрызть? Положит себе в рот грецкий орех, а ему сунет пульку чугунную. Морщится черт от меду казацкого; гложет орехи, инда зубы трещат, а не достанет ни одного ядрушка. Прискучило ему Грицкино подчиванье, стал он его задабривать словами ласковыми, зачал его расспрашивать.

– А что, добрый молодец, вы, я думаю, родом королевич или царевич какой?

«Ма-буть, що так!» отвечали. Грицко.

– Из какого нибудь королевства славного? Это заметно по-вашему виду молодецкому.

«Як же-ж; я родом в Высокобритании.»

Черт хорошо знали, всю землю кругом, а про такое царство не слыхивал.

– Известна мне, говорить, Великая Британия, а про Высокобританию я что-то и не ведаю.

«Как не знать! это там, где высоко подбривают чубчики.»

– А, вот что! А далеко ли они отсюда?

«Да пойдешь, близко думаешь, а придешь, скажешь дорога дальняя.»

– Так-с. В которую же это сторону?

«Коли вправо пойдешь, придешь с правой стороны, а пойдешь в левую сторону, слева и туда придешь.»

– Точно-с. А велико ли ваше царство?

«Так велико, что естли на одном конце стог сена сожечь, на другом не увидишь и полымя.»

– Видите что-с! А много там жителей?

«Старых вполтора меньше чем молодых, а мужчин и женщин поровну.»

– Да-с. Ну, а ваш город у моря что-ль? Велико ли оно и как называется?

«Называется оно море синее, широкое; а так велико, что человеку ни за что без лодки не переплыть.»

– Есть у вас тоже-с и реки большие?

«Реки, как бы сказать, такие, что если тысяча волов будут целую неделю пить из них, то и до половины не убавятся.»

– И воды есть целительные-с?

«С нашей воды еще никто не умирал, а иной с похмелья только ею и отпивается.»

– Так-с. И заводы имеются у вас различные?

«Да, есть такие, что хоть бы тебя, примером сказать, в лес или степь завести, будешь неделю плутать, на дорогу не нападешь, если кто не выведет.»

Черт мудрен! Он весь этот разговор себе записывал, а после и издал на французском языке *описание Малороссии*. Оно было введено во Франции во многих учебных заведениях, а после и на Российский язык переведено, да хорошо, что осталось оригиналом у переводчика.

Потолковавши этак, черт зачал опять проситься у Грицка к Панне прекрасной пройти. Грицко думает: погоди, подожди еще с Московский час. Сам начинает его опять заговаривать; но черту не терпится, юлит он перед Троцком, просит пустить его, знает разбойник, что скоро петухи заноют.

«Послушай,» говорит ему наконец Грицко, «мне тебя отсюда нельзя пропустить, потому что я дал слово целую ночь эту дверь стеречь; но так, как ты мне по нраву пришел: малой ты эдакой умной, вежливой, то я покажу тебе другую дорогу; там себе пожалуй пройди: мне не будет укора и тебе хорошо. Подниму я в этом полу доску для тебя, а ты из подпола и в другую горницу пройдешь; вашему брату не привыкать стать по подполью лазить.»

Черт радехонек. Сделай одолжение, Государь милостивой; всотеро тебя сам одолжу.

Поднял тот половицу; припал черт, просунул голову: хорош ли ход посмотреть, наступил Грицко на доску, ущемил чорту голову и ну его батогом лупить, приговаривать: «от тоби раз за мини, от за панну раз, от се тоби, от за тетку твою ведму лупоглазую, от ще, а от ще!..»

Кряхтел прежде чорт, оттерпывался, но и ему не в моготу пришло. Зачал он Грицка упрашивать:

– Добрый человек! Что я тебе сделал? За что ты напал на меня?

«Не будешь ли к Панне ходить, не будешь ли людей пугать!» приговаривал Грицко, а сам так трудится батогом, инда лоб вспотел.

– Не буду, не буду. Вот тебе сам наш Сатана порукою не буду!

«Врешь, разбойник, твоя тетка ведьма лупоглазая обманула меня, а тебя я до тех пор не выпущу, пока не поклянешься ходить в дом сюда!» И зачал сильнее стегать.

– Чтобы мне ни одного мужа с женой не смутить, чтобы мне ни на минуту из кипучей смолы не вылезать, если я хоть подумаю заглянуть сюда.

Пропел первый петух. Завопил черт не своим голосом: Ай, что ты со мной делаешь! Выпусти меня, что хочешь бери, только выпусти. Ай, беда моя, петух пропел: выпусти добрый человек, ай выпусти!

«Так не станешь больше к Панне ходить?»

– Ей, не стану вовеки вечные, только выпусти.

«Смотри же еще, чтобы здесь ни одного жениха Панны прекрасной не было; всех их отсюда выгони. Слышишь?»

– Слышу, слышу, только выпусти, не будет ни одного. Ай, выпусти поскорей!

Приподнял Грицко половицу, стегнул его еще раз на дорогу; юркнул чорт под пол и провалился сквозь землю. То-то ему чай достанется, что опоздал на сходбище!

А Грицко наш после работки растянулся на лавке, да и заснул богатырским сном.

Похождение двенадцатое

Подул ветерок утренний, запели птички малиновки; встал пан Медовичь и велел позвать к себе свою дочь Панну прекрасную. Явилась она к своему родителю. Что такая за красавица! В полдень она, что ясная луна, вечером она, что красное солнышко, утром что заря розовая.

– Дочь моя милая, ненаглядная! Каково ты ату ночь почивать изволила? Не видала ли ты сна страшного? Не пугала ли тебя злая сила нечистая?

Отвечала Панна прекрасная: «Родимой мой батюшка! Спала я покойно в эту ночь, не видала сна страшного, не пугала меня сила нечистая; а видала я веселый сон: будто ты меня родной батюшка выдаешь за гостя нашего, который стерег меня в эту ночь, и будто я смотрела не насмотрелась, любовалась не налюбовалась на нареченного жениха моего, на очи его ясные, на став его осанистый, на поступь его молодецкую!»

– Видно, сказал пан Медовичь своей дочери, правда эта вековечная, что утро мудренее вечера. О чем я вчера думал, то сегодня сделалось. Видно, жених тот тебе суженой. Вот увидим, что скажет нам другая ночь. Поди оденься теперь и выдь к женихам своим.

Обняла отца Панна прекрасная, поцеловала его и пошла в высокой терем, радехонька, что он сказал по ней.

Собрались женихи к пану Медовичу, угощает он их с Панной прекрасною и просит Грицка Гарбузка рассказать им, что и как в эту ночь ему приключилось.

«Да что,» говорит Грицко, «дело было страшное; не робок я, а и меня дрож проняла. Ударило двенадцать часов, поднялся вдруг ветер такой страшный, я думал дом своротит долой; вдруг навяло в комнату до ста чертей, да какие все здоровенные, словно на подбор один к одному, учили они плясать, кувыркаться, потом к дверям приступать, лезут, ломаются, ка-бы не батог, мне бы с ними не справиться.

– Эге! подумали королевич Гай, да царевич Але, да сын Паши Сточубушного; нет, видно стара штука, что бы мы пошли стеречь твою Панну прекрасную; одна голова, сорвут с плеч, другая не вырастит».

– Как же теперь быть? говорит Грицку пан Медовичь.

«Да надобно идти на другую ночь!» За тем не сказал Грицко правды, что у него был другой умысел.

Идет опять пир горой у пана Медовича; а в пиру, вестимо, не долог день.

Зарделось-застыдилось красное солнышко, что надобно ему опускаться в море синее, целоваться с волною зыбучею. Зарумянилась Панна прекрасная, что надо ей прощаться с Грицком Гарбузком; он так умильно смотрел ей в очи ясные, что хоть и ни одного не вымолвил слова, а она как по писанному, прочла всю его думушку тайную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.